

ОХОТИНА Н. В.

**ТЕНДЕНЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ
В НАДЭТНИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ БАНТУ**

Вопросы, касающиеся влияния экстралингвистических факторов на грамматическую структуру языка, в частности, взаимозависимость коммуникативного статуса языка и тенденций изменения его грамматической структуры, все больше занимают внимание языковедов. Наиболее плодотворными в этой области могут быть исследования на материале близкородственных языков, внутренние расхождения которых весьма незначительны и которые в синхронном плане имеют равноуровневый статус — от внутриэтнического до надэтнического. Именно такими, как очевидно, являются языки банту. Эти языки тем более «удобны» для подобных исследований, что определяющей чертой их грамматической структуры, наиболее устойчивой и легко вычленимой на современном уровне, являются так называемые согласовательные классы. Сравнительный анализ именно этих звеньев грамматической системы дает возможность выявить инновационные процессы, совершающиеся в языках различного функционально-коммуникативного статуса. Особый интерес в этом плане представляет рассмотрение данного звена грамматики в надэтнических языках банту.

Надэтническими считаются языки, которые обслуживают более чем одну этническую общность и ареал распространения которых не обусловлен какими-либо территориальными или политико-административными границами. Надэтнический язык может быть государственным или функциональным языком более чем одной административной единицы, т. е. одновременно выступать в таковой функции и для других политико-административных единиц, вплоть до государств. Надэтнический язык в прошлом (более или менее отдаленном) выполнял функцию *lingua franca* или торгового языка. Как правило, надэтнический язык является родным (= первым) языком лишь незначительного числа говорящих по сравнению с общим количеством говорящих на нем. Для подавляющего большинства — это второй или даже третий язык. Тем не менее по количеству говорящих, ареалу распространения и коммуникативно-функциональному статусу надэтнический язык является как бы вершиной пирамиды в социолингвистической иерархии языков. Язык такого статуса обязательно письменный, однако с неодинаково длительной традицией (от средневековья до начала XX в.). Литературные традиции того или иного надэтнического языка могут быть неравнозначны, и, естественно, их литературные нормы могут находиться в разной степени становления. Особенностью надэтнического языка является насыщенность его лексики заимствованиями как небантуязычными, так и бантуязычными. При этом небантуские заимствования надэтнического языка могут образовывать особую подсистему, захватывая все уровни языка, вплоть до изменения типологических приемов, изначально свойственных языкам банту.

Такими языками являются языки суахили и лингала, которые отвечают всем вышеприведенным критериям, хотя и со значительной степенью варьирования по отдельным параметрам. Ср., например, неравнозначность письменных и литературных традиций: если суахили имеет достаточно древние письменные (с X—XII вв. на основе арабского алфавита, затем с середины XIX в. на основе латиницы) и установившиеся литературные традиции [1], то письменность лингала возникает лишь в начале XX в. (на основе латиницы), а литература на этом языке зарождается

лишь в середине нашего века [2]. По другим параметрам языки суахили и лингала могут быть также скоординированы с учетом определенного допущения, не искажающего исходные постулаты координатных показателей.

Суахили является государственным языком в Республиках Танзания (как материковой части, так и островов Занзибара, Пемба, Мафия) и Кении. Кроме того, на нем говорят в Республике Уганда, восточной части Республики Заир, северо-западных районах Малагасийской Республики (о. Мадагаскар), на южном побережье Республики Сомали, северных районах Мозамбика, на севере Ботсваны и за пределами континента в Южной Аравии и в Синде. Количество говорящих на суахили превышает 50 млн. чел., в то время как первым, родным языком он является не многим более чем для 1 млн. чел. [3].

Язык лингала — один из официальных языков Республик Заир и Конго. Ядром его считается родной язык народности бангала, живущей в среднем течении р. Конго, а также в устьях ее притоков Убанги, Лукиние, Касае и др. (≈ 750 тыс. чел.). В остальных ареалах распространения лингала является вторым или третьим языком. Общее число говорящих на лингала ≈ 2 млн. чел. Оба языка, хотя и в разное время, выполняли функции торговых языков.

Установив, таким образом, аналогию между экстралингвистическими признаками языков суахили и лингала, хотелось бы несколько слов сказать об истории исследования того звена грамматической системы, которое является объектом наблюдения.

В бантуистике проблемы согласовательных классов до сих пор служат предметом обсуждения и дискуссий. В отечественной африканистике немало работ, посвященных собственно истории вопроса, в которых излагаются различные точки зрения, а иногда приводятся оценочные характеристики той или иной интерпретации классов (см., например [4]). Поэтому здесь можно ограничиться рассмотрением мнений лишь крупнейших представителей и, по сути дела, основоположников главных направлений в зарубежной бантуистике, а именно, К. Мейнхофа, К. М. Дока и М. Гасри. Сразу же следует сказать, что несмотря на теоретические различия в предпосылках, постулируемых представителями того или иного направления, не обнаруживается значительного расхождения в трактовке языковых реалий в содержательном плане. Расхождения отражаются при терминологическом кодировании, что показывает, какие аспекты данной грамматической категории, в частности класса, особо акцентируются. Так, К. Мейнхоф, виднейший представитель так называемого «классического» направления в бантуистике, называет классы «именными» (*Nominalklassen*) [5], в то время как основоположник школы «форма и функция» («*form and function*») предпочитает употреблять термин «согласовательные классы» (*concord classes*) [6]. Тот же термин «согласовательные классы» принимает и М. Гасри, основоположник школы «только формальной» («*only form*») [7]. Так, терминологическое разночтение обнаруживает не столько принципиальное различие в понимании класса как языкового явления, а лишь языковой уровень, который представляется тому или иному исследователю наиболее важным при определении класса. Для К. Мейнхофа определяющими являются морфологический и семантический уровни, а К. М. Док и М. Гасри акцентируют внимание прежде всего на синтаксическом и, затем, на формально-морфологическом уровне. Это не означает, однако, что К. Мейнхоф не фиксирует синтаксических характеристик класса. Для него наиболее важным оказывается семантическое содержание класса, что обнаруживается в ходе описания классов, выявление семантической общности тех или иных классов не только в каком-либо одном языке, а во всех языках банту, установление филологических универсалий, семантики классов. Для К. М. Дока и М. Гасри семантический аспект не представляется столь важным.

Показатель класса, префикс — словоформобразующая морфема. Префикс может передавать категорию числа (ед. и мн.), идею собирательности или быть иррелевантным к данной категории. Некоторые классы могут быть грамматически полисемантическими, т. е. кроме категории числа вы-

ражать категории диминутивности или аугментативности (та и другая могут передавать также оттенки пейоративности). Более того, существуют классы, которые выступают как корреляты по признаку конкретность/абстрактность. Все перечисленные значения (число, оценочные признаки, абстрактность) в банту выступают как грамматические категории, поскольку они «работают» и на морфологическом, и на синтаксическом уровнях. Так, например, суахили: *mtu* «человек» (1 кл. ед. ч.) — *watu* «люди» (2 кл. мн. ч.); шона: *mbere* «гиена» (9 кл. ед. ч.) — *zibere* «огромная гиена» (21 кл. ед. ч. аугментатив); зулу: *inkosi* «вождь» (9 кл. конкретн.) — *ubukosi* «власть» (14 кл. абстрактн.). Естественно, что изменение префикса влечет за собой и изменение согласовательной модели, т. е. перекодировку по соответствующему классу согласуемых с именем существительным членов предложения (местоимений, прилагательных, глагола и т. п.).

Такие корреляции в надэтнических языках значительно деформируются, что прежде всего и наиболее очевидно проявляется при корреляции по числу. В данном звене грамматической системы фиксируется тенденция стандартизации категории мн. числа, т. е. вместо связанной корреляции типа 1 кл. ед. числа — 2 кл. мн. числа, 9 кл. ед. числа — 10 кл. мн. числа и т. п. возникает «неправильная» корреляция типа 1 кл. ед. числа — 6 кл. мн. числа, 9 кл. ед. числа — 2 кл. мн. числа. Так, например, ср. суахили¹: *mtoto* «ребенок» (1 кл. ед. ч.) — *watoto* «дети» (2 кл. мн. ч.), *nyumba* «дом» (9 кл. ед. ч.) — *nyumba* (10 кл. мн. ч.), но *mchina* «китаец» (1 кл. ед. ч.) — *machina* «китайцы» (6 кл. мн. ч.), *rafiki* «друг» (9 кл. ед. ч.) — *warafiki* (2 кл. мн. ч.) и т. п. Таким образом, в языке суахили выдвигаются два класса мн. числа, которые принимают на себя функции грамматической категории парадигматического порядка, это 6 класс с преф. *ma-* и 2 класс с преф. *wa-*. При этом в определенном грамматическом контексте эти префиксы могут быть взаимозаменяемы, например: *mwinjina* «инженер» (1 кл. ед. ч.) — *mainjina* «инженеры» (6 кл. мн. ч.) = *wainjina* (2 кл. мн. ч.). Особенно часты случаи употребления преф. *ma-* в суахили в условиях, когда имя существительное в ед. числе имеет префикс, равный 0-, т. е. с именами 5 и 9 классов, например: *inzi* «муха» (9 кл. ед. ч.) — *inzi* «мухи» (10 кл. мн. ч.) = *mainzi* (6 кл. мн. ч.), *iraja* «бедро» (11 кл. ед. ч.) — *iraja* «бёдра» (10 кл. мн. ч.) = *maraja* (6 кл. мн. ч.). Как очевидно, преф. *ma-* 6 кл. мн. числа становится маркером категории мн. числа не только имен изначально связанного с ним 5 класса ед. числа, но и имен существительных 1, 9 и 11 классов. Несомненно, что в данном случае в суахили реализуется процесс стандартизации категории мн. числа. То, что в качестве показателя стандартизованного мн. числа избирается префикс 6 класса *ma-*, диктуется, по всей видимости, его исходными значениями, а именно — дискретное множество, собирательное и непрерывное множество, например: *tagayagaya* «циновки» (6 кл. мн. ч.) — *gayagaya* «циновка» (5 кл. ед. ч.); *tagomba* «волокно из банановых листьев» (6 кл. мн. ч.) — *ugomba* «одно из волокон банановых листьев» (11 кл. ед. ч.); *maji* «вода» (6 кл. ед. ч.). Кроме того, в этот класс входят номинанты парных предметов, например, *majicho* «глаза» (6 кл. мн. ч.) — *jicho* «глаз» (5 кл. ед. ч.), *makwato* «раздвоенное копыто у парнокопытных» (6 кл. мн. ч.) — *kwato* «одна часть копыта у парнокопытных» (5 кл. ед. ч.). Интересно отметить в этой связи, что имя существительное «уши», образованное от глагола «слушать» и являющееся несомненно поздним образованием, причисляется во мн. числе также к 6 классу: *masikio* «уши» (6 кл. мн. ч.) — *sikio* «ухо» (5 кл. ед. ч.) < *-sikia* «слушать, слышать».

Таким образом, выбор префикса инновационного стандартизованного мн. числа представляется грамматически предсказуемым.

В языке лингала процесс стандартизации категории мн. числа также легко обнаруживается. Однако в этом языке, кроме префикса 6 класса *ma-*, в этой функции чаще выступают префиксы 2 класса *ba-* и 4 класса *ni-*, например: *balimona* «гранатовые деревья» (2 кл. мн. ч.) — *limona*

¹ Часть материалов, касающихся языка суахили, взята из работы «Теоретическая грамматика языка суахили», которая подготавливается к печати автором совместно с Громовой Н. В.

«гранатовое дерево» (9 кл. ед. ч.), *balingisi* «переводчики» (2 кл. ед. ч.) — *lingisi* «переводчик» (5 кл. ед. ч.), *bafito* «планки» (2 кл. мн. ч.) — *fito* «планка» (9 кл. ед. ч.), *minu* «зубы» (4 кл. мн. ч.) — *linu* «зуб» (5 кл. ед. ч.), *minganga* «врачи, знахари» (4 кл. мн. ч.) — *monganga* «врач, знахарь» (1 кл. ед. ч.), *tamboka* «города» (6 кл. мн. ч.) — *mboka* «город» (9 кл. ед. ч.), *taboko* «руки» (6 кл. мн. ч.) — *loboko* «рука» (11 кл. ед. ч.), *malangiti* «одеяла» (6 кл. ед. ч.) — *bolangiti* «одеяло» (14 кл. ед. ч.). То же относится и к показателю 10 класса мн. ч. *n-/m-*, который может коррелировать по признаку числа не только по регулярной модели (10 кл. мн. ч. — 9 кл. ед. ч.), но с именами существительными 3 и 11 классов, например: *nsuni* «тела» (10 кл. мн. ч.) — *mosuni* «тело» (3 кл. ед. ч.) — *nkasa* «листья» (10 кл. мн. ч.) — *lokasa* «лист» (11 кл. ед. ч.) и т. п. Но сути дела, в лингала все классы мн. числа, как правило, обслуживают более чем один класс ед. числа [8].

Процесс стандартизации числа в лингала столь продвинут, что иногда изменение префикса может быть фиксировано в синтагме, притом что все остальные члены синтагмы сохраняют согласование, морфологически мотивированное префиксом имени существительного. Ср., например: *baye banene ba bana ba biso babele* (= *mibele*) *bazali malam* «эти начальники детей наших двух они-есть хорошие»; здесь числительное *-bele* «два» может согласовываться и «правильно», т. е. по префиксу 2 кл. мн. ч. *ba-*, как все остальные члены синтагмы, и по префиксу 4 кл. мн. ч. *mi-* — в нарушение «правильного» согласования².

Процесс стандартизации мн. числа, столь продвинутый в надэтнических языках, тем не менее не является атипологическим для языков банту. Этот процесс можно наблюдать и в межэтнических языках, а в начальной стадии и во внутриэтнических языках. Ср., например, руанда (межэтнический язык): *ataboko* «руки» (6 кл. мн. ч.) — *ukuboko* «рука» (15 кл. ед. ч.); куриа (внутриэтнический язык): *amaina* «ямы» (6 кл. мн. ч.) — *ubui-na* «яма» (14 кл. ед. ч.), *amatui* «уши» (6 кл. мн. ч.) — *ogotui* «ухо» (15 кл. ед. ч.). В надэтнических языках этот процесс стимулируется и приобретает характер регулярности под влиянием коммуникативных функций, выполняемых этими языками.

Грамматической инновацией, хотя и типологически предсказуемой, является в языке суахили возникновение принципиально нового разряда слов — наречий. Лексическим «резервом» для этого разряда слов служат, с одной стороны, так называемые идеофоны, а с другой стороны, имена существительные 7 согласовательного класса, одной из лексико-семантических характеристик которого является номинация образа действия [5, 9]. Что касается идеофонов, то они даже в современном языке суахили достаточно представительны и, выполняя функции атрибуции, могут определять не только глагол, прилагательное (что обычно свойственно «классическим» наречиям), но и имена существительные, притом что такие словосочетания не являются результатом семантико-синтаксического эллипсиса (ср. русск. *совсем старик* < *он стал совсем стариком* и т. п.), но изначально неразворачиваемыми, например: *adui sana* «враг сильный» (букв. «враг очень») и т. п.

Имена существительные 7 класса, номинирующие образ, способ действия, в современном языке суахили как бы разбиваются на два разряда — имена существительные и наречия. При этом имена существительные и вновь образуемые наречия противопоставляются друг другу по грамматическим характеристикам. А именно: имена существительные не могут коррелировать по признаку числа и употребляются только с преф. *ki-*, например: *kiswahili* «язык суахили» (< «говорить так, как говорят суа-

² Следует сказать, как это отмечают и исследователи языка лингала, — в разговорной речи возможна немотивированная трансформация согласовательной модели, что более всего характерно для 11 класса, например: *loyembo loyemu la biso lozali lolami* «песня эта наша она-есть красивая» и *loyembo oyo ya biso ezali malam*, где указательное местоимение согласовано по 3 кл. ед. числа, притяжательная частица *ya* и прилагательный согласователь *e-* — по 9 кл. ед. числа, прилагательное по 6 кл. мн. ч. *ma-*, т. е. обнаруживается почти полная потеря согласования.

хилийцы») при отсутствии противопоставления по 8 кл. мн. числа. Что же касается наречий, образованных от корней прилагательных, то среди них обнаруживаются следы корреляции 7—8 согласовательных классов. Проявляется это в том, что некоторые из них принимают префикс 8 класса *vi-/vy-/v-*, хотя такие словоформы настолько редки, что их можно задать списком, например: *vizuri* «красиво, прекрасно» < *vi-* + *-zuri*, где *-zuri* корнем прилагательного, ср.: *mtu mzuri* «человек красивый, прекрасный»; *vyema* «хорошо» < *vy-* + *-ema*, где *-ema* корень прилагательного, ср. *mtu mwema* «человек хороший»; *vingine* «иначе, различно» < *v-* + *-ingine*, где *-ingine* корень прилагательного, ср.: *mtu mwingine* «человек другой». Большинство же таких наречий образуется при помощи оформления корня прилагательных преф. *ki-*, например: *kidogo* «немного, мало» < *ki-* + *-dого*, где *-dого* корень прилагательного, ср.: *mtu mdого* «человек маленький» и т. п. Однако наречия с преф. *vi-* не могут менять свой префикс на *ki-*, таким же образом наречия с преф. *ki-* не могут изменять его на *vi-*. Интересно отметить, что усиление признака или качества, выражаемого наречием с маркером *ki-*, выражается редупликацией наречия, например: *najua kidogo kidogo (kidogokidogo) lugha hii* «я знаю чуть-чуть (немного-немного) язык этот», ср.: *najua kidogo lugha hii* «я немного знаю этот язык» и т. п.

Одной из дистрибутивных особенностей преф. *ki-*, когда он образует наречия, является то, что он может выступать не только как префикс, но даже и как препрефикс. Такая его дистрибуция наблюдается в наречиях, образованных от имен существительных, например, *kiubaguzi* «расово» < *ki-u-baguzi*, где *u-* — префикс 11 кл.; *kiundugu* «по-братски» < *ki-u-n-dugu*, где *u-* — префикс 11 кл., а *n-* — префикс 9 класса.

Кроме цельнооформленных имен существительных и корней прилагательных, при помощи преф. *ki-* могут образовываться наречия и от цельнооформленных местоимений. Чаще всего таким образом оформляются притяжательные местоимения, согласованные по 17 локативному классу, например: *kikwetu* «по-нашему, как у нас» < *ki-kwetu*, *kikwao* «как у них», где *kwetu* и *kwao* — притяжательные местоимения соответственно 1-го и 3-го л. мн. числа, оформленные согласователем *ku-* 17 класса.

Что касается синтаксических характеристик наречий, то прежде всего следует отметить свободу их синтаксической дистрибуции в предложении и, затем, нахождение их вне системы согласования синтагмы, в которой они употребляются. Сумма характеристик позволяет выявить в языке суахили формирование нового лексико-грамматического разряда слов, которые можно определить как наречия [10]. Несомненно, что столь четко грамматически оформленный инновационный разряд слов, типологически не свойственный языкам банту, возникает под влиянием экстралингвистических факторов. Следует отметить, что в языке зулу, языке межэтнического общения, также намечается возникновение разряда наречий. В этом языке морфологическим маркером образования наречий становится преф. *ka-*, который занимает позицию префикса и может оформлять только корни прилагательных, например: *kahle* «хорошо» < *ka-* + *-hle*, *kancane* «мало» < *ka-* + *-ncane*, ср. (*umuntu*) *omuhle* «(человек) хороший», (*umuntu*) *omncane* «(человек) маленький» и т. п. Можно предположить, что показатель *ka-* является рудиментом префикса 13 согласовательного класса, который в современном языке зулу отсутствует. Совершенно очевидно, однако, что этот процесс в зулу еще только начинается и не так генерализован, как это обнаруживается в языке суахили.

Основная же особенность грамматического строя надэтнических языков — это возникновение категории одушевленности/неодушевленности, которая типологически не предсказуема и по сути своей иррелевантна для языков банту. Естественно предположить, что появление этой категории в языках, выполняющих функции надэтнических, диктуется не внутривидовыми изменениями, а экстралингвистическими причинами, природу которых, однако, трудно определить. Категория эта более четко выявляется в суахили и несколько менее рельефна в языке лингала, что, по всей видимости, объясняется тем, что язык суахили достаточно длитель-

ное время использовался в качестве надэтнического языка, в то время как лингала сравнительно недавно получил этот статус.

В суахили, как и в лингала, категория одушевленности/неодушевленности совмещается с корреляцией ед./мн. числа. Основной критерий противопоставления одушевленности и неодушевленности — семантический, а именно, все номинанты живых существ, независимо от того, к какому согласовательному классу они относятся, противопоставляются неживым объектам номинации. И несмотря на то, что для маркирования этой категории используются на уровне выражения префиксы классов и их согласовательные трансформы, на уровне содержания эта категория суперклассная, вводящая коренную лексико-семантическую переструктуризацию системы согласовательных классов. Из всех классов как бы изымаются все номинанты, маркирующие живые объекты, и противопоставляются всем остальным согласовательным классам, маркирующим неживые объекты, при этом для неживых объектов номинации сохраняется исходная система согласовательных классов.

В данном случае мы имеем дело с более глубинным явлением, чем образование таких типологически предсказуемых инновационных категорий, как стандартизация мн. числа, поскольку речь идет о переструктуризации процессов осмысления окружающей среды, о разграничении объектов именно по признаку живой/неживой, что, естественно, реализуется в языке. Некоторые исследователи языков банту, в частности языка лингала [8], предпочитают рассматривать это явление в рамках категории класса, кодируя такие номинанты, наряду с другими, как относящиеся к 1а классу. Такая интерпретация представляется не совсем удачной, поскольку, во-первых, она недостаточно последовательна на формальном уровне, а во-вторых, затемняет образование семантически отличной от классов, инновационной категории. Формальная некорректность отнесения всех одушевленных номинаций к 1а классу заключается, как кажется, в том, что в лингала имена существительные, обозначающие одушевленные объекты, сохраняют, особенно в ед. числе, изначальный префикс своего класса, заимствуя только согласовательную модель по 1 классу, например: *nzoku* «слон» (9 кл. ед. ч.), *ndeke* «птица» (9 кл. ед. ч.), *tonganga* «знахарь, врач» (3 кл. ед. ч.). Таким образом, кажется, было бы логичнее вычленять в каждом классе ед. числа подклассы одушевленных имен существительных — 3а, 9а и т.п., что, в свою очередь, не удовлетворяет требованиям емкости описания языка и, как уже говорилось, неадекватно отражает глубинность, надклассный характер категории одушевленности/неодушевленности. Еще большее неудобство такого оформления данной категории представляется для языка суахили, в описании которого, кстати, подобный метод не используется именно в связи с тем, что здесь категория одушевленности/неодушевленности выражается на морфологическом уровне более четко и могут быть сформулированы правила грамматического оформления данной категории.

В языке суахили маркировка категории одушевленности реализуется как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. Основными морфологическими маркерами этой категории выступают префиксы 1 класса ед. ч. (*tu-/mw-/m-*) и 2 класса мн. ч. (*wa-/w-*); морфологические приемы маркирования одушевленности следующие: 1) замена исходного классного префикса имени существительного не 1 класса префиксом этого класса, например: *mwongozi* «вождь, руководитель» (1 кл. ед. ч.) < < *kiongozi* «вождь», первоначально «проводник» (7 кл. мн. ч.), 2) препрефиксация, т. е. префигирование маркера 1 класса к уже цельнооформленному имени существительному, например: *mndege* «птица» (1 кл. ед. ч.) < *m-n-dege*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа, *mnyama* «животное» (1 кл. ед. ч.) < *m-ny-ama*, где *-ny-* — префикс 9 кл. ед. числа и т. п. Зачастую слово не 1 класса без препрефикса остается в лексическом корпусе исходного класса, но уже с измененной семантикой, ср., например: *ndege* «самолет» (9 кл. ед. ч.), первоначально «птица»; *nyama* «мясо» (9 кл. ед. ч.), первоначально «животное». Естественно, что во мн. числе таким образом переоформленные имена существительные получают преф. *wa-/w-*,

например: *waongozi* «водители, руководители» (2 кл. ед. ч.), *wandege* «птицы» (2 кл. мн. ч.), *wanyama* «животные» (2 кл. мн. ч.) и т. п.

Возможна также неполная морфологическая маркированность одушевленных имен существительных, а именно префигирование маркера одушевленности только во мн. числе, т. е. префикса 2 класса *wa-* при отсутствии соответствующего префикса ед. числа, т. е. префикса 1 класса, например: *warafiki* «друзья» (2 кл. мн. ч.), первоначально *rafiki* «друзья» (10 кл. мн. ч.), но *rafiki* «друг» (9 кл. ед. ч.). При наличии тенденции к стандартизации числа, когда префиксы *ma-* (6 кл.) и *wa-* (2 кл.) могут быть грамматически синонимичны, возможно оформление одушевленного имени существительного во мн. числе преф. *ma-*, например: *warafiki* «друзья» (2 кл. мн. ч.) = *marafiki* «друзья» (6 кл. мн. ч.), *wachina* «китайцы» (2 кл. мн. ч.) = *machina* «китайцы» (6 кл. мн. ч.) и т. п. Некоторые номинанты одушевленных объектов при неполно морфологическом оформлении могут получать преф. *ma-* во мн. числе, сохраняя исходный префикс в ед. числе, а иногда и во мн. числе, например: *masimba* «львы» (6 кл. мн. ч.) = *simba* «львы» (10 кл. мн. ч.) — *simba* «лев» (9 кл. ед. ч.); *makunguru* «вороны» (6 кл. мн. ч.) = *kunguru* «вороны» (10 кл. мн. ч.) — *kunguru* «ворона» (9 кл. ед. ч.).

Такому сравнительно большому разнообразию оформления одушевленных имен существительных на морфологическом уровне противопоставляется строго запрограммированное обозначение одушевленности на синтаксическом уровне, а именно, согласовательная модель одушевленного имени существительного, независимо от того, префиксом какого класса оно оформлено, получает в ед. числе модель согласования 1 класса, а во мн. числе — модель 2 класса. Например: *simba huyu mkuu amekufa* «лев этот старый он-умер»; *simba hawa wakuu wamekufa* «львы эти старые они-умерли»; *masimba hawa wakuu wamekufa* «львы эти старые они-умерли». Как видно из примеров, одушевленное имя существительное или существительное *simba* «лев», изначально относящееся к 9 согласовательному классу с \emptyset - в ед. числе, согласуется по 1 классу, а во мн. числе, несмотря на то, что оно сохраняет исходный префикс 10 класса, равный \emptyset -, или оформляется префиксом 6 класса *ma-*, согласуется по модели 2 класса мн. числа. Совершенно очевидно, что одушевленные имена существительные, переформированные в ед. числе префиксом 1 класса, а во мн. числе префиксом 2 класса, в синтагме согласуются по модели этих классов. Нарушения согласования по этим моделям допустимы лишь в нескольких строго ограниченных случаях, вызываемых лексико-семантическими признаками каждого данного имени существительного или формальными характеристиками определенного звена согласовательной модели. Так, например, слово *kidudu* «микроб» (7 кл.), диминутив от *dudu* «насекомое» (5 кл.), не воспринимается говорящими на суахили как одушевленный объект, и поэтому согласовательная модель этого имени сохраняется исходная — в ед. числе по 7 классу, а во мн. числе по 8 согласовательному классу, как и другие неодушевленные номинанты 7 класса. Так же и лексико-семантический критерий допускает в словосочетании «сушеная рыба» использовать маркер одушевленности, т. е. префикс 1 класса, или равно сохранить имманентное согласование по 9 классу: *samaki aliyekaushwa* букв. «рыба она-которая-была-высушена» = *samaki iliyokaushwa* (1 кл. ед. ч. = 9 кл. ед. ч.). Префикс 6 класса мн. ч. *ma-*, маркирующий собирательную множественность, лексико-семантически значимую, может сохранить исходную согласовательную модель и для одушевленных имен существительных, например: *Wakati manyani yameingia bustani aliyatukana akayasimanga* «Когда бабуины они-вошли в-сад, она-их-ругала, она-их-бранила». В данном контексте преф. *ma-* и сохраняемая по нему согласовательная модель акцентируют то, что речь идет не о каком-либо количестве бабуинов, а о стаде бабуинов, т. е. акцентируется собирательное множество.

Допущение имманентного согласования в определенном звене согласовательной модели диктуется необходимостью и значимостью дифференциации ед. и мн. числа. Так, термины родства, сохраняющие исходные префиксы 9 и 10 классов, могут и предпочтительно сохраняют согласо-

ние притяжательных местоимений по этим классам, например: *ndugu yangu* «брат мой» (9 кл. ед. ч.) — *ndugu zangu* (10 кл. мн. ч.). Как представляется, согласование притяжательных местоимений по модели исходного класса сохраняется в силу того, что формы согласователей этого разряда слов в 1 и 2 классах оморфичны, а при согласовании по исходным 9 и 10 классам дифференцированы, ср., например: *ndugu wangu* «брат мой» (1 кл. ед. ч.) — *ndugu wangu* «братья мои» (2 кл. мн. ч.), но *ndugu yangu* «брат мой» (9 кл. ед. ч.) — *ndugu zangu* «братья мои» (10 кл. мн. ч.). Если учесть оморфичность и префиксов 9 и 10 классов, то необходимость дифференциации хотя бы в одном звене согласовательной модели становится еще более релевантной, поскольку лексемы этой группы терминологически обслуживают систему родственных отношений, до сих пор являющуюся этнографически значимой [11]. Несомненно, что эти «нарушения» вызываются экстралингвистическими факторами. Следует отметить, однако, что в нейтральном контексте возможно последовательное и регулярное согласование притяжательных местоимений по 1 кл. в ед. числе и по 2 классу мн. числа, т. е. *ndugu yangu* «брат мой» (1 кл. ед. ч.) — *ndugu wangu* «братья мои» (2 кл. мн. ч.). То же относится к некоторым другим номинантам, например: *rafiki yangu* «друг мой» (9 кл. ед. ч.) — *rafiki zangu* «друзья мои» (10 кл. мн. ч.), а также *rafiki wangu* «друг мой» (1 кл. ед. ч.) — *rafiki wangu* «друзья мои» (2 кл. ед. ч.).

Лексическая семантика подкласса одушевленных имен существительных, кроме имен 1 класса, традиционно называемого «классом людей», включает также: 1) термины родства, например, *baba* «отец» (исходно 9 кл. ед. ч.), *tama* «мать» (9 кл. ед. ч.); 2) термины титулования, например: *bwana* «господин» (9 кл. ед. ч.), *bibi* «госпожа» (9 кл. ед. ч.), *mwongozi* «вождь» (1 кл. ед. ч.); 3) номинации людей с точки зрения их взаимоотношений: *rafiki* «друг» (9 кл. ед. ч.), *adui* «враг» (9 кл. ед. ч.); 4) наименования всех живых существ: *sungura* «заяц» (9 кл. ед. ч.), *kidungadunga* «долгоносик» (7 кл. ед. ч.), *dudu* «насекомое» (5 кл. ед. ч.). При этом исходная принадлежность к тому или иному классу, очевидно, не учитывается.

Категория одушевленности/неодушевленности наличествует и в языке лингала. Однако она проявляется не так четко, как в языке суахили. Маркер одушевленности в лингала на морфологическом уровне обнаруживается только во мн. числе, т. е. в этом языке имеется только морфологически неполно оформленная модель категории одушевленности. Маркером в данном случае выступает префикс 2 кл. *ba-*, который не вытесняет исходный префикс имени существительного со значением одушевленности, но выступает в позиции препрефикса в тех случаях, когда речь идет не об именах существительных 1 кл. ед. числа, где префикс класса людей, изначально номинирующий одушевленные объекты, регулярно сменяет префикс 1 класса ед. числа. Ср., например: *moto* «человек» (1 кл. ед. ч.) — *bato* «люди» (2 кл. мн. ч.), но *bandeko* «братья» < *ba-n-deko*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа — *ndeko* «брат» < *n-deko*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа; *banzoku* «слоны» < *ba-n-zoku*, где *-n-* — маркер 9 кл. ед. числа и т. п. Процесс стандартизации категории числа, проявляющийся даже более сильно в языке лингала, чем в языке суахили, имеет те же результаты, о которых говорилось по поводу аналогичных процессов в языке суахили, а именно, в лингала во мн. числе одушевленные объекты номинации могут получать показатели не только 2 класса *ba-* обязательно в позиции препрефикса, если речь идет об именах существительных не 1 класса, но и сохранять имманентный префикс 4 или 6 классов (*mi-* или *ta-*), реже 10 кл. (*n-*), например: *minganga* «знахари, врачи» (4 кл. мн. ч.), *makilo* «вдовы/вдовцы», *pusi* «коты» (10 кл. мн. ч.). Иногда возможна взаимозаменяемость префиксов *ba-* (2 кл.) и *ma-* (6 кл.), ср., например: *takilo* = *bakilo* «вдовы». Префигирование префикса мн. ч. *ba-* зачастую не вытесняет имманентный префикс ед. числа при образовании мн. числа одушевленных имен существительных, например: *bandeko* «братья» (2 кл. мн. ч.) < *ba-n-deko*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа, *banzoku* «слоны» (2 кл. мн. ч.) < *ba-n-zoku*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа и т. п. Возможно префигирование префикса *ba-* к префиксу какого-либо другого

класса мн. числа, например: *minganga* «врачи, знахари» (4 кл. мн. ч.) = *baminganga* (2 кл. мн. ч.) < *ba-mi-nganga*, где *-mi-* — префикс 4 кл. мн. числа; *nzoku* «слоны» (10 кл. мн. ч.) = *banzoku* «слоны» < *ba-n-zoku* (2 кл. мн. ч.), где *-n-* — префикс 10 кл. мн. числа (ср. *nzoku iye* «слоны эти», 10 кл. мн. ч. = *banzoku baye* «слоны эти», 2 кл. мн. ч.).

Следует отметить, что при наложении препрефикса имманентный префикс погашает свои грамматические функции как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях, что относится как к языку суахили, так и к языку лингала. В такой дистрибуции имманентный префикс становится грамматически незначимым, он теряет не только способность порождать согласовательную модель, но и выражать категорию числа. Эти функции принимает на себя препрефикс. Исходный же префикс в позиции инфикса становится как бы неграмматической пометой принадлежности данного слова к изначальному классу. Этим и объясняется возможность сочетания препрефикса со значением мн. числа с изначальным препрефиксом ед. числа. Ср., например, суахили: *wanyata* «животные» < *wa-ny-ata*, где *wa-* — префикс 2 кл. мн. числа, а *-ny-* — показатель 9 кл. ед. числа; лингала: *bandeko* < *ba-n-deko* «братья», где *ba-* — префикс 2 кл. мн. числа, а *-n-* — показатель 9 кл. ед. числа, и т. п. При морфологически неполно оформленном способе образования одушевленных имен существительных в суахили и в лингала, исходный префикс ед. числа или префиксы мн. ч. *ta-* (в суахили и лингала), *mi-* и *n-* (в лингала) сохраняют категориальные характеристики числа, но теряют возможность манифестировать согласование существительного в синтагме, ср. в суахили: *kijana wangu ule anasoma* «юноша наш тот он-читает» и *vijana wangu wale wanasona* «юноши наши те читают» (о языке лингала см. ниже).

На синтаксическом уровне в лингала категория одушевленности выявляется гораздо четче, а именно, одушевленные номинанты, как правило, получают в ед. числе согласование по 1 классу, а во мн. числе по 2 классу, независимо от того, префиксом какого класса обозначается эта категория. Ср., например: *soda ona molami wa tokonzi* «солдат этот хороший вождя» (букв. «он-принадлежащий вождю»), где *soda* «солдат» (9 кл.) получает согласование по 1 классу, притом что исходный префикс, равный \emptyset -, относит это слово к 9 классу. В этих случаях префикс исходного класса сохраняет за собой выражение категории числа, но теряет возможность определять синтаксическую модель. То же в примере: *minganga baye ba mboka wana bapeselaki bakono nkisi* «врачи эти деревни той они-дали больным лекарства», где *mi-* — префикс 4 кл. мн. числа выражает категорию числа, но иррелевантен на синтаксическом уровне. Естественно, что имена существительные, во мн. числе префигирующие препрефикс *ba-*, полностью теряют грамматическую значимость префикса исходного класса, например: *bandeke balamu bazali na ndako* «птицы хорошие они-находятся в доме», где *ba-* — префикс 2 кл. мн. числа выражает категорию мн. числа и манифестирует согласовательную модель в синтагме.

Необходимо, однако, отметить, что в лингала многие имена существительные, номинирующие одушевленные объекты, могут сохранять как исходный префикс, так и согласование по нему и в ед. и во мн. числе. Главным образом, такими существительными бывают номинанты животных, ср., например: *nzoku ena, ezali nke* «слон тот он-есть маленький» = *nzoku ona azali nke* «слон тот он-есть маленький», где в первом случае имя существительное *nzoku* «слон» сохраняет и исходный префикс 9 класса *n-* и модель согласования по этому же классу. Такая сравнительная неустойчивость формального маркирования категории одушевленности вызвана, как уже упоминалось ранее, недавним возникновением в этом языке категории одушевленности, коррелирующей с неодушевленностью.

Лексико-семантическое содержание группы существительных, номинирующих одушевленные объекты, кроме существительных 1 класса (класса собственно людей) может включать имена существительные, обозначающие: 1) термины родства, например: *nyonga* «мать», *nkoko* «прародитель»; 2) названия человеческих профессий, например: *soda* «солдат» (9 кл. ед. ч.), *kabinda* «плотник»; 3) социальный статус людей: *nsomi* «сво-

бодный человек», *nkolo* «хозяин»; 4) животных: *nzoku* «слон», *farasa* «лошадь», *pusi* «кот» и т. п. Относительная нерегулярность реализации в языке лингала категории одушевленность/неодушевленность не мешает ее вычленению в современном языке, а проявления ее на уровне выражения идентичны тем проявлениям, которые формально строги в языке суахили.

Таким образом, в надэтнических языках банту (лингала и суахили) появляется принципиально инновационная категория, типологически не предсказуемая грамматической структурой языков банту и вызываемая коммуникативной функцией этих языков. Представляется возможным, как уже упоминалось, связывать появление этой инновации с глубинным переосмыслением окружающей действительности, в результате которого возникает надклассная категория, противопоставляющаяся исконной системе классов по этому признаку, т. е. исконная система классов остается действенной, по сути дела, только для неодушевленных номинантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков А. А. Культура, язык и литература суахили. Л., 1983.
2. Топорова И. Н. Язык лингала. М., 1973.
3. Whiteley W. Swahili. The rise of a national language. London, 1969.
4. Жуков А. А. О некоторых грамматических категориях имен существительных в языках банту.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1966, т. 40 (Africana. Культура и языки народов Африки).
5. Meinhof K. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen, Hamburg, 1948.
6. Doke C. M. Bantu linguistic terminology. London, 1935.
7. Guthrie M. Comparative Bantu. An introduction to the comparative and prehistory of the Bantu languages. V. 1. London, 1967.
8. Топорова И. Н. Грамматический очерк.— В кн.: Топорова И. Н. Лингала-русский словарь. М., 1983.
9. Охотина Н. В. Морфемная структура служебных слов и так называемых наречий в языке суахили.— В кн.: Языки Африки. Вопросы структуры истории и типологии. М., 1966.
10. Громова Н. В. Пути формирования наречий в языке суахили: Тезисы докладов советской делегации на 2-й симпозиум ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы языков Азии и Африки» (Варшава — Краков, 9—16 ноября 1980 г.). М., 1980.
11. Мисюгин В. М. Суахилийская хроника средневекового государства Пате.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1966, т. 40 (Africana. Культура и языки народов Африки).